

Джон Голсуорси

Цвет яблони

Перевод с английского
Риты Райт-Ковалевой

ФТМ

Джон Голсуорси

Цвет яблони

«ФТМ»

1918

Голсуорси Д.

Цвет яблони / Д. Голсуорси — «ФТМ», 1918

ISBN 978-5-4467-2697-4

Лауреат Нобелевской премии Джон Голсуорси хорошо известен в нашей стране как автор знаменитой «Саги о Форсайтах». Однако его перу принадлежат не менее замечательные новеллы, рассказы и маленькие повести, проникнутые юмором, мягкой лиричностью и романтизмом. «Цвет яблони» – повесть из сборника «Пять рассказов».

ISBN 978-5-4467-2697-4

© Голсуорси Д., 1918
© ФТМ, 1918

Джон Голсуорси

Цвет яблони

«Цвет яблони и золото весны...»

Еврипид, «Ипполит».

В день своей серебряной свадьбы Эшерст с женой поехали на автомобиле поросшей вереском долиной, собираясь переночевать в Торки, где они встретились впервые. Этот план принадлежал Стелле Эшерст, всегда немного склонной к сентиментальности. Она давно уже утратила ту нежную синеглазую прелесть, ту свежесть красок, напоминавшую цвет яблони, ту чистую линию строгой и стройной девичьей фигурки, что так внезапно и странно околдовали Эшерста двадцать шесть лет тому назад. Но и в сорок три года она оставалась привлекательной и милой спутницей жизни с чуть поблекшим румянцем и серо-голубыми глазами, ставшими глубже и вдумчивей.

Она сама остановила машину у поворота. Шоссе круто подымалось влево, а небольшой перелесок, где среди лиственниц и буков темнели сосенки, спускалось к долине, у подножия высокой гряды холмов, за которыми шла вересковая пустошь. Стелла искала места, где можно было бы позавтракать, Эшерст никогда ни о чем не заботился – и это место, среди золотого боярышника и пушистой зелени лиственниц, пахнувших лимоном под нежарким апрельским солнцем, место, откуда открывался вид на широкую долину и на длинную гряду холмов, очень понравилось Стелле, писавшей акварелью этюды с натуры и любившей романтические уголки. Захватив свои краски, она вышла из автомобиля.

– Здесь хорошо, правда, Фрэнк?

Высокий, длинноногий, похожий на бородатого Шиллера, с поседевшими висками и большими задумчивыми серыми глазами, которые иногда становились особенно выразительными и почти прекрасными, с чуть асимметричным носом и слегка приоткрытыми губами, Эшерст – сорокавосемилетний молчаливый человек взял корзинку и тоже вышел из машины.

– О Фрэнк, смотри: могила!

У перекрестка, где тропинка пересекала шоссе под прямым углом и убегала через изгородь дальше, к опушке рощицы, виднелся холмик футов в шесть длиной и в фут шириной, с большим замшелым камнем. Кто-то бросил на камень ветку шиповника и пучок синих колокольчиков. Эшерст взглянул на могилу, и поэтическая струна дрогнула в его душе. На перекрестке... могила самоубийцы... Бедные смертные: сколько у них предрассудков! Но тому, кого похоронили, – не лучше ли ему лежать здесь, где нет рядом безобразных памятников, исписанных напыщенными пустыми словами, а только простой камень, широкое небо да участливая жалость прохожих...

В лоне семьи Эшерста не особенно поощряли философствования, поэтому он ничего не сказал про могилу и, вернувшись к шоссе, поставил у каменной изгороди корзинку с завтраком, разостлал плед для жены – она должна была вернуться со своих этюдов, когда проголодается, – а сам вынул из кармана «Ипполита» в переводе Мэррея. Он прочел о Киприде и злой ее мести и задумчиво уставился в небо. И в этот день, день его серебряной свадьбы, от бега белых облаков в чистой синеве Эшерста вдруг охватила тоска, он и сам не знал о чем. Как мало приспособлен к жизни человеческий организм! Какой бы полной и значительной жизнь ни была, всегда остается какая-то неудовлетворенность, какая-то подсознательная жадность, ощущение уходящего времени. Бывает ли такое чувство у женщин? Кто знает? И все же люди, которые вечно рвались к новизне в ненасытной жажде новых приключений, новых дерзаний, новых страстей, – такие люди, несомненно, страдали от чувства, противоположного неудовлетворенности, – от пресыщения.

Да, от этого не уйдешь. Какое все-таки плохо приспособленное к жизни животное – цивилизованный человек! Для него не существует блаженного успокоения в прекрасном саду, где «цвет яблони и золото весны», как поет дивный греческий хор в «Ипполите», нет в жизни достижимого блаженства, тихой гавани счастья, – ничего, что могло бы соперничать с красотой, плененной в произведениях искусства, красотой вечной и неизменной. И читать о ней, смотреть на нее – значит испытывать ни с чем не сравнимый восторг, счастливое опьянение... Правда, и в жизни бывают проблески той же нежданной и упоительной красоты, но они исчезают быстрее, чем мимолетное облако, скользнувшее по солнцу. И невозможно удержать их, как удерживает красоту высокое искусство. Они исчезают подобно золотым, сверкающим видениям, что всплывают в сознании человека, погруженного в созерцание природы, проникающего в сокровенные ее недра. И сейчас, когда солнце горячо прильнуло к его лицу и зов кукушки звенел из зарослей боярышника, когда медвяный воздух колыхался над молодой зеленью папоротника и звездочками терновника, а высоко над холмами и сонными долами плыли светлые облака, Эшерсту казалось, что близко полное познание природы. Но он знал: это ощущение исчезнет, как лик Пана, выглянувшего из-за скалы, исчезает при виде человека.

Вдруг Эшерст привстал. Необычайно знакомым показался ему весь пейзаж длинная лента дороги, старая каменная ограда, узкая тропа. Он ничего не заметил, когда они проезжали, – совершенно ничего, он думал совсем о другом, или, вернее, ни о чем не думал. Но сейчас он вспомнил все. Двадцать шесть лет тому назад, в такой же весенний день, он ушел по этой самой дороге с фермы, лежавшей в полумиле отсюда, ушел в Торки и никогда больше не возвращался. И вдруг острая боль сжала его сердце: он вспомнил нечаянно о той минуте в прошлом, когда он не сумел удержать настоящую красоту и радость, ускользнувшую от него в неизвестное. Нечаянно он воскресил угасшее воспоминание о сладком, диком счастье, оборванном так быстро и неожиданно. Он лег в траву и, подперев голову руками, стал разглядывать молодые стебельки, среди которых цвел голубой ленок. Вот что вспомнилось ему.

1

Первого мая Фрэнк Эшерст и его друг Роберт Гартон, только что окончившие университет, были в пути. Они совершали большую прогулку и в этот день вышли из Брента, собираясь дойти до Шегфорда. Но колено Эшерста, поврежденное во время игры в футбол, давало о себе знать, а судя по карте ям оставалось идти еще около семи миль. У дороги, где тропа углублялась в лес, они присели, чтобы дать отдохнуть больной ноге Эшерста, и стали обсуждать мировые вопросы, как это всегда делают молодые люди. Оба были ростом в шесть футов с лишним и худые, как жерди; Эшерст – бледный, мечтательный, рассеянный; Гартон – диковатый, порывистый, курчавый и мускулистый, как первобытный зверь. Оба питали склонность к литературе, оба ходили без шапок. Светлые, мягкие и волнистые волосы Эшерста вились вокруг лба, как будто их все время откидывали, а темные непокорные кудри Гартона походили на гриву. На много миль кругом они не встретили ни души.

– Дорогой мой, – говорил Гартон, – жалость – просто следствие копания в себе. Это болезнь последних пяти тысяч лет. Мир был гораздо счастливее, когда не знал жалости.

Эшерст задумчиво следил за облаками.

– Но, во всяком случае, жалость – жемчужина мира.

– Нет, мой друг, все наши современные несчастья происходят от жалости. Возьми, к примеру, животных или краснокожих индейцев, их волнуют только собственные беды, а мы вечно мучаемся от чужой зубной боли. Давай перестанем жалеть других, и мы будем куда счастливей.

– Ты сам на это не способен.

Гартон задумчиво взъерошил свою густую шевелюру.

– Кто хочет познать жизнь по-настоящему, тот не должен быть слишком шепетильным. Морить голодом свое эмоциональное «я» – ошибка. Всякая эмоция только обогащает жизнь.

– Да? А если она противоречит чести?

– О, как это характерно для англичанина! Когда заговариваешь об эмоциях, о чувстве, англичане всегда подозревают, что речь идет о физической чувственности, и это их страшно шокирует. Они боятся страсти, но не сладострастия, – о нет! Лишь бы все удалось скрыть.

Эшерст ничего не ответил. Он сорвал голубенький цветок и стал сравнивать его с небом. Кукушка закуковала в зеленой гуще ветвей. Небо, цветы, птичьи голоса... Роберт говорит вздор.

– Пойдем поищем какую-нибудь ферму, где мы могли бы переночевать, сказал Эшерст и в эту минуту заметил девушку, шедшую в их сторону. Четко вырисовывалась она на синем небе, под согнутой в локте рукой – она несла корзинку – тоже виднелся кусочек неба. И Эшерст, невольно и бескорыстно отмечавший все прекрасное, сразу подумал: «Как красиво» Ветер вздувал ее темную шерстяную юбку и трепал синий берет. Ее серая блуза была изношена, башмаки потрескались, маленькие руки огрубели и покраснели, а шея сильно загорела. Темные волосы в беспорядке падали на высокий лоб, подбородок мягко закруглялся, короткая верхняя губка открывала белые зубы. Ресницы у нее были густые и темные, а тонкие брови почти сходились над правильным, прямым носом. Но настоящим чудом казались ее серые глаза, влажные и ясные, как будто впервые открывшиеся в этот день. Она глядела на Эшерста: ее, вероятно, поразил странный хромой человек без шляпы, с откинутыми назад волосами, уставившийся на нее своими огромными глазами. Он не мог снять шляпы, ибо на нем ее не было, а просто поднял руку в знак приветствия и сказал:

– Не укажете ли вы нам поблизости какую-нибудь ферму, где бы мы могли переночевать? У меня разболелась нога.

– Здесь неподалеку только наша ферма, сэр, – проговорила она без смущения приятным, очень нежным и звонким голосом.

– А где это?

– Вон там дальше, сэр.

– Не приютите ли вы нас на ночь?

– Да, я думаю, можно будет.

– Вы нам покажете дорогу?

– Да, сэр.

Эшерст молча захромал вслед за ней, а Гартон продолжал расспросы:

– Вы уроженка Девоншира?

– Нет, сэр.

– А откуда же вы?

– Из Уэльса.

– Ага! Я так и думал, что в вас кельтская кровь. Значит, это не ваша ферма?

– Нет, она принадлежит моей тетке, сэр.

– И вашему дяде?

– Он умер.

– А кто же там живет?

– Моя тетка и три двоюродных брата.

– Но дядя ваш был из Девоншира?

– Да, сэр.

– Вы давно здесь живете?

– Семь лет.

– А вам здесь нравится больше, чем в Уэльсе?

– Н-не знаю, сэр.

- Вы, верно, плохо помните те края!
- О нет! Но там как-то все по-другому.
- Охотно верю.

Эшерст вдруг спросил:

- Сколько вам лет?
- Семнадцать, сэр.
- А как вас зовут?
- Мигэн Дэвид, сэр.
- Это – Роберт Гартон, а я – Фрэнк Эшерст. Мы хотим попасть в Шегфорд.
- Как жаль, что у вас болит нога!

Эшерст улыбнулся, а когда он улыбался, его лицо становилось почти прекрасным.

За небольшой рощицей сразу открылась ферма – длинное низкое каменное здание с широкими окнами и большим двором, где копошились куры, свиньи и паслась старая кобыла. Небольшой зеленый холм за домом порос редким сосняком, а старый фруктовый сад, где яблони только что стали распускаться, тянулся до ручья и переходил в большой запущенный луг. Мальчуган с темными раскосыми глазами тащил свинью, а из дверей навстречу незнакомцам вышла женщина.

– Это миссис Наракомб, моя тетушка, – проговорила девушка.

Быстрые темные глаза «тетушки» и ее длинная шея придавали ей странное сходство с дикой уткой.

– Мы встретили вашу племянницу на дороге, – обратился к ней Эшерст. Она сказала, что вы нас, может быть, приютите на ночь.

Миссис Наракомб оглядела их с ног до головы.

– Пожалуй, если вы удовольствуетесь одной комнатой. Мигэн, приготовь гостевую комнату да подай кувшин сливок. Наверно, вам захочется чаю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.